

Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103).
Political Linguistics. 2024. No 1 (103).

УДК 81'38:81'42
 ББК Ш105.51+Ш105.55

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Екатерина Сергеевна Ступина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия,
 stupina.ek@mail.ru, SPIN-код: 3023-0453, <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Речевая агрессия как форма реализации риторического кода в политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В работе рассматривается проявление речевой агрессии в политическом дискурсе. Деструктивное речевое поведение воспринимается адресатом сквозь призму чувственно-эстетических доминант текста, которые могут быть сигнальными явлениями, свидетельствующими о недоброжелательном поведении коммуниканта. Совокупность таких сигналов составляют риторический код. Целью настоящего исследования является понимание механизма образования речевой агрессии и принципов реализации риторических кодов. В статье отмечаются, что основным риторическим кодом речевой агрессии является код инвективы. Отсутствие строгих стилистических принципов в организации политической коммуникации привело к размыванию границ этической дозволенности и включению в речевой оборот единиц, не свойственных книжной речи. Подчеркивается, что функционально речевая агрессия может быть проявлением театрализации, свойственной политическому дискурсу, может — частью политического имиджа. Адресант кодирует информацию о существующей или потенциальной опасности вербальными средствами, адресат воспринимает импульс агрессивного поведения и интерпретирует в соответствии с имеющимися установками. Объектом негативного отношения в политическом дискурсе становятся личности, отличающиеся нестандартным поведением, отличным от общепринятого. Работа выполнена в русле описательного метода лингвистики. Используются общенаучные методики наблюдения, интерпретации, обобщения, также семантико-стилистический анализ и метод компонентного анализа. Одним из значимых выводов исследования является мысль о том, что речевая агрессия оказывает сильное манипулятивное воздействие на общественное мнение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая риторика, политические деятели, политические речи, речевое поведение, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, риторические коды, политические тексты, речевая агрессия, инвективация, асидентон, политический имидж, общественное мнение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ступина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, 4 корп., ауд. 2418.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ступина, Е. С. Речевая агрессия как форма реализации риторического кода в политическом дискурсе / Е. С. Ступина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1 (103). — С. 91-95.

Ekaterina S. Stupina

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, stupina.ek@mail.ru, SPIN-код: 3023-0453,
<https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Verbal Aggression as a Form of Realization of the Rhetorical Code in Political Discourse

ABSTRACT. The paper examines the manifestation of verbal aggression in political discourse. Destructive speech behavior is perceived by the addressee through the prism of sensory-aesthetic dominants of the text, which can be treated as signals of the hostile behavior of the communicant. The sum total of such signals constitutes a rhetorical code. The aim of this study is to disclose the mechanism of formation of verbal aggression and the principles of realization of rhetorical codes. The article notes that the code of invective is the main rhetorical code of verbal aggression. The absence of strict stylistic principles in the organization of political communication has led to the blurring of the boundaries of ethical permissibility and the inclusion in speech of units that are not typical of bookish style. It is emphasized that, functionally, verbal aggression can be a manifestation of theatricality, characteristic of political discourse, and can be part of the political image. The addresser encodes information about an existing or potential danger by verbal means, and the addressee perceives the impulse of aggressive behavior and interprets it in accordance with the existing demands. Individuals who are distinguished by non-standard behavior that differs from the generally accepted etiquette become the objects of negative assessment in political discourse. The study is accomplished in line with the descriptive method of linguistics. The author employs the general scientific methods of observation, interpretation, generalization, as well as semantico-stylistic analysis and the method of component analysis. One of the significant conclusions of the study consists in the idea that verbal aggression exerts a strong manipulative effect on public opinion.

KEYWORDS: political discourse, political rhetoric, politicians, political speeches, verbal behavior, communication strategies, communication tactics, rhetorical codes, political texts, verbal aggression, invectivation, asyndeton, political image, public opinion.

AUTHOR'S INFORMATION: *Stupina Ekaterina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian as a Native and Foreign Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Stupina E. S. (2024). Verbal Aggression as a Form of Realization of the Rhetorical Code in Political Discourse. In Political Linguistics. No 1 (103), pp. 91-95. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследования политической коммуникации сосредоточены не столько на политических проблемах, сколько на субъекте, «авторе политического текста или его адресате» [Чудинов 2006]. Подчеркнем, что образ политика неоднозначен. С одной стороны, напоминает творческую личность, заботящуюся об утопическом благе общества и стремящуюся к самовыражению, нарочитой искренности. С другой стороны, все чаще отмечается, что политик становится источником деструктивного и агрессивного поведения, проявляемого в речи или в действиях. В настоящем исследовании нас будет интересовать, как реализуется речевая агрессия в политическом дискурсе и как речевая агрессия формирует риторический код.

Определение речевой агрессии в научном освещении опирается на разные основания. Это может быть анализ психологических составляющих говорящих (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев) или лингвоэтических показателей коммуникации (Б. Я. Шарифуллин, Н. В. Муравьева, Е. Ю. Булыгина, В. И. Жельвис). Вместе с тем речевую агрессию определяют в ракурсе типов «негативного или критического отношения говорящего к адресату», выраженных «при помощи языковых средств» [Апресян 2003: 33]; как «грубое, резкое, оскорбительное высказывание, имеющее своей целью обидеть, оскорбить или унижить адресата» [Аношина 2015]; а также «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта-Наука, 2006).

Речевая агрессия трактуется как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2012: 15]. Прежде всего это касается «использования языковых средств для выражения неприязни, враждебности» по отношению к оппонентам, людям, мыслящим иначе. Это может быть «манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство». Агрессивность как способность нападать или защищаться была унаследована от животных [Бачинин, В. А. Энциклопедия философии и социологии права. — Санкт-Петербург: Изд-

во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. — 1091 с.]. Как отмечают исследователи, «агрессия у животных является естественной эволюционно отработанной и адаптивной формой поведения. Агрессивное поведение позволяет животным существовать в условиях ограниченных ресурсов... У социальных животных агрессия является инструментом формирования иерархического сообщества» [Кудрявцева, Маркель, Орлов: 1134]. Человечество всегда стремилось к установлению вертикальных отношений. В современном мире основным методом борьбы за первенство становится вербальное нападение — агрессивная риторика формируется с помощью таких вербальных единиц, которые отражают общие тенденции огрубления речи.

Проявляя агрессию, личность, с точки зрения психоанализа, реагирует не только на существующую явную угрозу, но и на возможную опасность в будущем (Психологический словарь / под общей редакцией П. С. Гуревича. — М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007). Подчеркнем, что агрессивное поведение известных личностей оказывает влияние на эмоциональное здоровье общества.

Речевая агрессия становится сигналом о нападении, об опасности. Фактологические данные коммуникации становятся вторичными. Таким образом, по каналу связи, сформированному адресатом и адресантом, передается деструктивная эмоциональная информация. Адресат считывает ее с помощью кода, как системы знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи. Такой код мы называем риторическим. Риторические коды являются частью культурного кода [Барт 2001]. Подчеркнем, что риторические коды — это система знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженная в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику [Ступина 2023: 104]. Отношения адресата и адресанта складываются по модели *хищник — жертва* в зависимости от того, кто выбирает наиболее агрессивные методы вербального нападения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Вектор разговора в современном политическом дискурсе в ряде случаев направлен на частную жизнь человека, а не на его профессиональные качества. Иллюстрацией может послужить осуждающая речь Влади-

мира Соловьева в адрес актера Павла Майкова, позволившего себе вольную интерпретацию политических действий: *И преемственность у нас великая. И событие, которое произошло, очень и очень важное. А если ты живешь в мире окружающего тебя... (нечистот — прим. авт.), это твоя проблема. Это твоя душа постоянно тебе подкидывает... (нечистот — прим. авт.) в очи* (<https://www.pravda.ru/news/society/1618918-maikov/>). Контрастное сочетание книжной возвышенной лексики (*преемственность, великий, окружающий*) и грубой, жаргонизированной (синоним слова *нечистоты, подкидывать*) усиливает эффект воздействия при моделировании картины мира. Непорядочное поведение артиста, раскритиковавшего военный парад на День Победы, оценивается как потенциальная угроза воспитанию поколения тех, кто не сформировал еще представления о значении этого праздника. В данном случае агрессия «проявляется как агрессивное навязывание адресату негативного отношения к референту высказывания» [Воронцова: 85]. Противопоставление по модели «мы — ты» продуктивно в политическом дискурсе. Она позволяет выразить идею коллективной сплоченности, близкой к пониманию толстовской идеи народности. Отрицающие идеологию большинства неизбежно сталкиваются с осуждением. Агрессия в данной реплике аккумулирует восприятие риторического кода инвективы.

Речевая агрессия выполняет функцию усилителя передачи информации от источника к реципиенту. Адресант кодирует информацию о существующей или потенциальной опасности вербальными средствами, адресат воспринимает импульс агрессивного поведения. То есть источник коммуникативного входного сигнала формирует смысловой блок, потенциально направленный адресату в условиях возникающих помех при передаче. Помехи искажают первичный послы в зависимости от ряда внешних факторов: эмоционального состояния говорящего, условий коммуникации. Отправленный сигнал прямо пропорционален преобразующей энергии речевой агрессии. Точность и объем восприятия риторического кода увеличиваются благодаря избранной специфической речевой организации, выполняющей функцию транзистора в коммуникативной цепочке. Таким образом, речевое проявление деструктивного поведения является осложненным процессом передачи данных между говорящими.

Отсутствие строгих стилевых принципов в организации политической коммуникации привело к размыванию границ этической

дозволенности и включению в речевой оборот единиц, не свойственных книжной речи. Например, речь депутата Государственной думы Виталия Милонова отличается повышенной критикой в адрес Григория Родченкова: *Матом просто нельзя ругаться. Собака! Подонок! Увидел бы его — рожу бы набил. Просто скотина. Но такие люди всегда были. Он же не один в своем роде. Предатели и подонок всегда существовали.* Оскорбительная, прямо выраженная в грубой форме оценка личности формирует риторический код инвективы. Просторечные сочетания, разговорные, бранные слова, с одной стороны, подчеркивают прагматику презрительного отношения к адресату, и, с другой, определяют эмоциональную несдержанность, неэтичность говорящего. Повышенная концентрация соответствующих лексем, скорее, является своеобразной формой театрализованной агрессии, отличающейся мнимой полемичностью и неестественным, наигранным пафосом. Подобные выпады направлены на снижение социального статуса оппонента, и речевая агрессия характеризует как инвектора, так и инвектума.

В. З. Демьянков справедливо отмечает, что политический дискурс обладает свойством оценочности и агрессивности [Демьянков]. Употребление слов с эмоционально-оценочной коннотацией позволяет политику не только моделировать картину мира, чтобы адресат принял оценку ситуации как независимую и незыблемую, но формировать собственный общественный образ, например, образ борца, патриота, диссидента и др. Агрессивность в политическом тексте обусловлена конфликтностью политической сферы, ибо участники коммуникации (политики), вступая в борьбу за власть, представляют собственные взгляды в дихотомической системе координат «я (мои взгляды, моя партия) — другие (несогласные со мной, враждебные)». Отечественные исследователи отмечают, что «речевая деятельность политика характеризуется намерениями и целями отправителя текста оказать определенное воздействие на получателя текста и осознанностью выбора отправителем коммуникативных стратегий и тактик, а также речевых средств их вербализации» [Шамне, Карякин 205]. Речевая агрессия детерминирована фактором эмоционально-психологического соперничества за право первенства. При этом заметим, что агрессивное речевое поведение может быть коммуникативным приемом или может «выступать маркером обязательных социумных стереотипов в поведении» [Громова: 153]. Сложно представить безэмоциональное вы-

ступление В. В. Жириновского, который всегда был склонен эпатировать публику своим поведением. Речевая агрессия с его стороны является частью политического имиджа. В целом нужно отметить, что деструктивность поведения политика обусловлена целями, которые преследует коммуникант. Склонность к критике существующего порядка в обществе также объяснима с позиции идейного несогласия инвектора. Например, в своей речи В. В. Жириновский на политическом поединке с А. Б. Пугачевой обозначил обобщенную оценку поведения артистической среды. Политик фактически признает их недалекими и продажными: *Вы, артисты, как последние проститутки ложитесь под любого руководителя за деньги! Вы все легли под Брежнева, под Горбачева, под Ельцина, под Путина. Завтра въеду в Кремль, вы все будете лежать, а я буду на вас плевать и вытирать ноги. Позор вам, Позор!* (<https://www.kp.ru/daily/25842/2814269/>) Эксплицитная оценка выражается употреблением социально лимитированных слов и выражений сниженной семантики (*проститутка, плевать, вытирать ноги, лечь под...*). В данном случае релевантно квалифицировать подобное высказывание как оскорбление [Щербинина 2004]. Асидентон (*под Брежнева, под Горбачева, под Ельцина, под Путина*) манифестирует мысль о том, что тип поведения тех личностей, о которых говорит политик, не меняется десятилетиями. Адресант намеренно называет фамилии руководителей страны в исторической перспективе. Усиливается эффект пренебрежительного отношения к инвектуму. Используемая далее антитеза, основанная на окказиональном противопоставлении *я — вы, будете лежать — буду плевать и вытирать ноги*, демонстрирует не столько контраст в расположении по субъективной социальной лестнице, сколько идею унижения тех, кто, по мнению политика, не достоин рассуждать о роли государства. Подобное речевое поведение соответствует стратегии предварающего нападения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, инвективация стиля речевого поведения становится сигналом агрессии, которая реализуется в соответствующем риторическом коде на этапе восприятия речи. Направлена речевая агрессия в политическом дискурсе на внушение отрицательного отношения к противникам говорящего, на навязывание (в качестве наиболее естественных и бесспорных) иных ценностей и оценок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аношина, Е. Ю. Речевая агрессия как элемент публичных призывов к осуществлению преступлений экстремистской и террористической направленности / Е. Ю. Аношина. — Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университета путей сообщения. — 2015. — Вып. 3 (29). — С. 148–153.
2. Апресян, В. Ю. Имплицированная агрессия в языке / В. Ю. Апресян. — Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 3 : Междунар. конф. «Диалог-2003». — Москва : Флинта-Наука, 2003. — С. 32–35.
3. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с. — Текст : непосредственный.
4. Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская. — Текст : непосредственный // Критика и семиотика. — Новосибирск : НГУ, 2004. — Вып. 7. — С. 257–263.
5. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме / Т. А. Воронцова. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — № 1. — С. 83–86.
6. Громова, Н. С. Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия / Н. С. Громова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2. — С. 150–155.
7. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — Москва : Изд-во МГУ, 2001. — С. 116–133.
8. Кудрявцева, Н. Н. Агрессивное поведение: генетико-физиологические механизмы / Н. Н. Кудрявцева, А. Л. Маркель, Ю. Л. Орлов. — Текст : непосредственный // Вавиловский журнал генетики и селекции. — 2014. — Т. 18. — № 4-3. — С. 1133–1155.
9. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / В. М. Амиров, Л. В. Енина, Н. А. Купина, Э. А. Лазарева, Л. М. Майданова, Е. Г. Соболева, Т. Г. Федотовских, Э. В. Чепкина. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1997. — 117 с.
10. Ступина, Е. С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») / Е. С. Ступина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4. — С. 103–108.
11. Федорова, Л. Л. Прямое выражение агрессии в речевом общении / Л. Л. Федорова. — Текст : непосредственный // Агрессия в языке и речи : сб. ст. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов ; Российский государственный гуманитарный университет. — Москва : РГГУ, 2004. — С. 219–232.
12. Чудинов, А. П. Политическая коммуникация / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.
13. Шамне, Н. Л. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса / Н. Л. Шамне, А. В. Карякин. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. — 2011. — № 1-13. — С. 204–207.
14. Шаронов, И. А. Приемы речевой агрессии: ирония и насмешка / И. А. Шаронов. — Текст : непосредственный // Агрессия в языке и речи : сб. ст. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов ; Российский государственный гуманитарный университет. — Москва : РГГУ, 2004. — С. 38–52.
15. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю. В. Щербинина. — Москва : Форум, 2012. — 397 с. — Текст : непосредственный.
16. Щербинина, Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина. — Москва : Флинта-Наука, 2004. — 224 с. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Anoshina, E. Yu. (2015). Rechevaya agressiya kak element publicny'x prizy'vov k osushhestvleniyu prestuplenij e'kstre-mistskoj i terroristicheskoj napravlenosti [Speech aggression as an element of public calls to commit extremist and terrorist crimes]. *Vestnik SamGUPS*, 3(29), 148–153. (In Russ.)

2. Apresyan, V.Yu. (2003). Implicitnaya agressiya v yazy`ke [Implicit aggression in language]. In *Computer linguistics and intellectual technologies. 3 Int. conf. "Dialogue 2003"* (pp. 32–35). Moscow: Flinta-Nauka. (In Russ.)
3. Bart, R. (2001). *S/R. Bart*. Moscow: Editorial URSS, 232 p. (In Russ.)
4. Basovskaya, E.N. (2004). Tvortsy cherno-beloy real'nosti: o verbal'noy agressii v sredstvakh massovoy informatsii [Creators of black and white reality: about verbal aggression in the media]. In *Kritika i semiotika* (Iss. 7, pp. 257–263). Novosibirsk: NGU. (In Russ.)
5. Vorontsova, T.A. (2006). Rechevaya agressiya v kommunikativno-diskursivnoj paradigme [Speech aggression in the communicative-discursive paradigm]. *Vestnik VSU, Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 83–86 (In Russ.)
6. Gromova, N.S. (2019). Rechevaya agressiya v politicheskoy kommunikacii: prichiny` i posledstviya [Speech aggression in political communication: causes and consequences]. *Political Linguistics*, 2, 150–155. (In Russ.)
7. Demyankov, V.Z. (2001). Interpretaciya politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of political discourse in the media]. In *Media language as an object of interdisciplinary research* (pp. 116–133). Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.)
8. Kudryavtseva, N.N., Markel, A.L., & Orlov, Yu.L. (2014). Agressivnoe povedenie: genetiko-fiziologicheskie mexanizmy` [Aggressive behavior: genetic and physiological mechanisms]. *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*, 18(4-3), 1133–1155. (In Russ.)
9. Amirov, V.M., Enina, L.V., Kupina, N.A., Lazareva, E.A., Maydanova, L.M., Soboleva, E.G., Fedotovskikh, T.G., & Chepkina, E.V. (1997). *Rechevaya agressiya i gumanizatsiya obshcheniya v sredstvakh massovoy informatsii* [Speech aggression and humanization of communication in the media]. Ekaterinburg: Ural St. Univ., 117 p. (In Russ.)
10. Stupina, E.S. (2023). Ritoricheskie kody` antonimov v politicheskom tekste: biografiya e`poxi (na osnove rabot V. I. Lenina «S chego nachat'?), «Chto delat'?)» [Rhetorical codes of antonyms in a political text: a biography of the era (based on the works of V. I. Lenin "Where to start?", "What to do?")]. *Political linguistics*, 4, 103–108. (In Russ.)
11. Fedorova, L.L. (2004). Pryamoe vyrazhenie agressii v rechevom obshchenii [Direct expression of aggression in verbal communication]. In I.A. Sharonov (Comp. & resp. ed.), *Agressiya v yazyke i rechi* (collection of articles, pp. 219–232). Moscow: RGGU. (In Russ.)
12. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 254 p. (In Russ.)
13. Shamne, N.L., & Karyakin, A.V. (2011). Rechevaya agressiya kak narushenie e`kologichnosti politicheskogo diskursa [Speech aggression as a violation of the environmental friendliness of political discourse]. *Bulletin of VGU. Series 2: Linguistics*, 1–13, 204–207 (In Russ.)
14. Sharonov, I.A. (2004). Priemy rechevoy agressii: ironiya i nasmeshka [Techniques of verbal aggression: irony and ridicule]. In I.A. Sharonov (Comp. & resp. ed.), *Agressiya v yazyke i rechi* (collection of articles, pp. 38–52). Moscow: RGGU. (In Russ.)
15. Shcherbinina, Yu.V. (2012). *Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy`* [Speech aggression. Territory of hostility]. Moscow: Forum, 397 p. (In Russ.)
16. Shcherbinina, Yu.V. (2004). *Russkij yazy`k. Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya* [Russian language. Speech aggression and ways to overcome it]. Moscow: Flinta-Nauka, 224 p. (In Russ.)